

Психология истерической личности: мифы и демистификации

В обыденном языке слово "истерик" содержит негативную морально-психологическую оценку и употребляется преимущественно для обозначения чрезмерной экспрессивной реакции на жизненное впечатление или событие. Такая манифестация имеет всевозможные формы, однако общим здесь является эмоциональный всплеск, который может варьироваться от "заламывания рук", пискливых криков, сильного тремора, громких вздохов и прочих междомедий до онемения конечностей, приступов неудержимого смеха или плача, обморока с мягким падением, некоординированных движений, мутизма, ступора и пр.

Пестрота клинической картины истерии привела к подобному мнению также специалистов. По мнению Гаупта, "истерия есть ненормальный способ реакции на требования жизни" (1). Следовательно, такой форме реакции может быть подвержен любой человек, столкнувшийся с психотравмой или с "требованием жизни", расцененной как психотравма. При таком подходе, однако, теряется специфика исследуемого феномена, поскольку психогенная форма реакции изменчива во времени и нестабильна в ситуации.

С психиатрической точки зрения истерия есть отдельная нозологическая единица невротического круга с определенной симптоматикой, которая группируется в аффективные расстройства, сценopodobное поведение, двигательные и сенсорные нарушения, психогенные амнезии и пр. Полимофность клинической картины, а также присущие истерику притворство, создают определенные трудности, вследствие чего диагностика истерии зачастую не обходится без дифференциального диагноза, а синдромальный диагноз может включать все синдромы вплоть до психотических. Дело в том, что здесь, как и при любой другой патологии, психиатр акцентирует внимание на "что" предмета (симптом, синдром, нозология), тогда как психолог - на "как" (формирование и становления симптома, мотивация, глубинные основания искаженного восприятия себя и мира и пр.) Отсюда вытекает различие феноменологии эмпирического факта в этих дисциплинах: факт психиатрии опредмечен, факт психологии — одушевлен.

Вот почему с психологической точки зрения понимание личности истерика строится не на его проявлениях - перечисленные проявления занимают здесь лишь вторичное место, а на выявлении их внутренней первоосновы, на определении направленности, целей и мотивов всей личностной структуры. Симптом есть знак и как всякий знак "выражается в том весьма своеобразном смысле, который обнаружил Фрейд и который составляет сущность и природу всякого знака: обнаруживая, он одновременно скрывает. Выразить себя означает именно отказываться от самовыражения" (2). Открытое (симптом или в широком смысле проявленное) маскирует скрытое. Так, подчеркнутый цинизм скрывает хрупкость и сентиментальность, ригидное следование закону — преступную склонность, агрессивность - трусость и пр. В то же время, скрытое делается открытым не через плоскостное рассмотрение проявленного, не прямым путем тождественности сущности и явления, а окольным путем "аподиктической очевидности" (Э.Гуссерль), когда чувственная,

принадлежащая миру пространственных вещей данность переходит в разряд реальности переживания и осознания. Поэтому истолкование знаков-симптомов может явиться разгадыванием скрытых за симптомами реалий только в случае непрямых каузальных связей. Попытаемся вникнуть в эти реалии с целью ответить на вопрос: кому по существу "принадлежат" интенции, которые выражены в симптоматике истерической личности?

Что касается определения "истерии", то здесь мы не будем придерживаться жестких диагностических критериев, а обобщим опыт классификаций психологии (характер, акцентуация, патологические типы) и психиатрии (психопатия, невроз) в обобщенное понятие "истерический профиль" или "истерическая личность", преследуя цель не ограничивать рассматриваемый феномен рамками классификаций болезни и психиатрической клиники. В клинику обращаются только те, чьи симптомы начинают их беспокоить (истерический невроз), а таких - меньшинство, зато большинство - беспокоит близких, сослуживцев, друзей и соседей (истерический профиль или характер), и это большинство вполне сходит за полномочных членов общества.

Специфическая особенность клиники заключается в том, что пациент приходит сюда безоружным (он болен и нуждается в помощи), тогда как врач или психотерапевт предстает тут во всеоружии. В жизни все наоборот: здесь истерическая личность предстает во всеоружии своих махинаций, а его окружение против этого - безоружно и беспомощно. Врачебный или психотерапевтический кабинет - это некий "бронированный бункер", где ты защищен от пациента четкими ожиданиями, профессиональным знанием, социальной ролью и практическими приемами. Взаимоотношения здесь регулируются регламентированными правами и обязанностями: запись в истории болезни, время осмотра или сеанса, размер платы и пр., словом, взаимоотношения эти — ограничены и парциальны. В противовес этому неформальные взаимоотношения неограничены и тотальны. Те, кому приходится вместе с истерическими личностями решать трудовые, профессиональные, родственные или семейные проблемы, находятся на "открытом ветру" их бурь и декорированных интриг. Если ты специалист, тебе предоставляется возможность основательно изучить истерическую личность и расширить лабораторный (здесь: "кабинетный") эксперимент до размеров сколько угодно пролонгированного "полевого". Но даже специалисту подчас бывает трудно реагировать на жесты душевной корчи истерической личности только так, как это позволяет профессия. А что говорить о неспециалистах? Что говорить о жене больного редкой формой мужской истерии, загибающейся на двух работах, потому что муж по сути болеет "нежеланием себя утруждать"; что говорить о бесчисленных несчастных мужьях, вымаливающих у специалистов рецепт правильного общения с женами, которые по каплям вливают им в жизнь яд невесть откуда взятых претензий? (Вспоминается анекдотичный случай с таким мужем, приведшим в клинику жену с мутизмом и просящим не лечить её хотя бы неделю, настолько опостылел ему её голос). Что делать членам коллектива, вынужденного работать с преподавателем, аргументирующим оценку знаний с точки зрения "этого люблю/не люблю", с судьей, внезапно проникнутой трогательной жалостью или безжалостным мизантропизмом к осужденному только потому, что удостоилась или нет ожидаемого комплимента от "симпатичного" сослуживца, перед которым трепещет? Если сфокусировать ответ в одну точку, то знать: (1) что перед тобой - особа истерического нрава, (2) чего можно от нее ожидать, (3) как уберечься от паутины, которую эта особа плетёт вокруг. В последнем автор усматривает практическую цель данной статьи.

Миф и реальность

Реальность, вне зависимости от присутствия ударной волны травмы, реальность сама по себе представляет для личностей данного профиля травму. То, что видит истерическая личность, настолько далеко от её представлений, которые надиктованы её желаниями, что она отшатывается от реальности, как дьявол от креста. Действительность её пугает, обижает, доставляет боль. У неё нет никакой защиты от нее, каждое впечатление действительности её обжигает, потому что психологически она не обладает отделяющей её и мир защитной мембраной, обеспечивающей несензитивное отношение к жизни. Каждое восприятие может оказаться шоковым, чем-то, что для неё "слишком". "Ну это - слишком", "невероятно", "какой ужас", "какая прелесть" и пр. - слышим мы от нее и бездумно следуем этой избыточности оценок, потому что ошибочно думаем, что избыточность - знак яркости личности.

У человека с истерическим профилем отсутствует психологическая граница, отделяющая внутренний и внешний миры (также и физиологически они чувствительны к климатическим влияниям). Этим он составляет противоположный полюс шизофреника, отгородившегося в своем внутреннем мире и не имеющего доступа к внешнему. Гештальттерапевтически, если контактная граница между внешним и внутренним шизофреника настолько уплотнена, что не предполагает прохода в ту или иную сторону, то для истерика - граница слишком прозрачна, его внутренний мир открыт настежь и смешан с внешним. Он весь распылен и расплескан в жизненном впечатлении, его "Я" "вытекает" в окружение, хочет накрыть его и присвоить. Такая личность полностью вовлечена в то, что слышит и видит, отсюда - присущая ей беспрецедентная внушаемость, которая при известной наивности может быть расценена как эмпатичность. Она охотно реагирует на чужое горе или радость "здесь и теперь", и тем не менее, она принципиально неэмпатична, ибо не может в течении сколько-либо длительного времени держать в сознании эмпатическое чувство. По мнению К.Роджерса, эмпатия возможна тогда, когда создается психологически невредимый и безопасный климат и когда имеет место обнаружение внутреннего "frame of reference" другого (3). Для первого истерическая личность слишком нестабильна, для второго - слишком поверхностна и инфантильна. К страданию и радости другого относится только её экспрессивная реакция, по сути же, это - обезьяничение, суггестивность и заражённость эмоцией.

Серьезные претензии к действительности заставляют истерическую личность предварять любое восприятие собственной субъективностью. Экран восприятия оказывается буквально "облеплен" её доопытным мнением, а сам факт предсуществования содержания восприятия уже предполагает предвзятость. "Я не могу слышать об этой фамилии, она доставила мне столько страданий!", высказывается она о человеке, не имеющем никакого отношения к ее прошлому опыту. Прошлые негативные и позитивные переживания перекрывают новые, потому что единственным ориентиром познания другого и мира в целом служит её извечное "приятно-неприятно".

Таким образом, истерическая личность борется против непосильной ноши реальности путем избыточности оценок и предварения опыта, искажая действительность до неузнаваемости. Но наиболее мощное её орудие и одновременно защита, а также первое, чем она маскируется — это проповедуемая ею "превосходная степень" и, как вследствие, - особо привилегированное положение, "инаковость", выгодное отличие от других, особенность. Она пребывает не среди других избранных, но как избранный среди "званных", главным же подспорьем этой избранности служит миф. По

существо он один и тот же - "я - самая...", но варианты разнообразны: добрая, красивая, умелая, талантливая, умная, первая из поэтов, художников, ученых (на второе место она не согласна). Но сказать так об истерической личности - значить не сказать ничего, потому что весь вопрос заключается в том, а) как она этот миф обставляет, б) как она его насаждает.

а) Истерическая личность наделяет свой миф мистическими элементами. Для нее не характерно сказать, например: "я - прекрасный диагност", но она скажет: "как будто кто-то из-за моей спины говорит мне: "это - такое-то заболевание, и я следую этому голосу"; она никогда не произнесет: "я - привлекательная женщина", но "у мужчин путается взгляд, когда они на меня смотрят", вместо "у меня хороший голос" - "моя скромность убила во мне великую певицу", вместо "у меня - диплом с отличием" - "мои отличные оценки доставляли мне только досаду", вместо "я - добрая" - "все умело пользуются моей добротой" и пр. Примечательно, что все это она исполняет не грубо, а умильно, непосредственно, с шармом, по выражению Гомбургера, с "детской грацией".

Её задача - внушить загадку, привлекая в свой реальный образ элементы таинственности. По словам Э. Кречмера, "причудливые, связанные с настроением порывы полудетской незрелой эротики и ее импульсивные истерические разряды фантастически превращаются здесь в знакомую из литературы фигуру "женщины-сфинкса" с загадочными извилинами души" (4) Причем подобная эротика имеет широкое личностное пространство; в этом смысле такая личность всеядна - особь мужского пола вне зависимости от социально-психологических и демографических характеристик становится претендентом на жесты "полудетской эротики". "Полудетскость", этот излюбленный атрибут создаваемого мифологического образа, оказывается очень удобным приемом социально-психологических манипуляций - ведь ребенку многое прощается, он имеет право на обиды, он вызывает милый смех вместо серьезной ответственности, может внезапно что-то захотеть и пр. Вот почему истерическая личность блюдет этот атрибут во внешности, поведении, жестах, интонации, голосе.

Мифологическая тема варьируется в зависимости от уровня образования, рода деятельности и субкультуры. Так, женщина без профессии и образования насаждает миф "первая модница". Она - законодательница моды во всем городе, ее стиль неподражаем, она никогда не оденет что-то, что может оказаться в гардеробе у другой ("лучше мне умереть, чем увидеть, что кто-то одел то, что я одеваю"). Если ей пришлось заметить одетую со вкусом женщину, она даст реакцию типа: "такое я уже давно относил" (варианты из других мифов могут звучать: "я давно об этом знала", "раньше он был влюблен в меня", "я пеку такие же пирожные, но воздушнее", "мне предлагали эту должность, но я отказалась" и пр.), чтобы непременно поставить другого в тень, а себя - в свет. Подобное "сползание" в прошлое при встрече с настоящим защищает ее от удара того настоящего, которое не содержит подтверждение мифа.

Миф регулирует видение мира и межличностные связи. "Если мне известно, что туда, где я приглашена, приглашен кто-то, кто может выглядеть лучше меня, то я не пойду" - заявляет больная истерией, чем защищается от травматизации, потому что для нее невыносимо осознавать поклон в другую сторону, а всякий, кто в присутствии такой личности удостоивается похвалы, автоматически становится её врагом.

Вопрос о соотношении реальности и выдумки в составе самого мифа проясняется при обнаружении технических приемов насаждения мифа в сознание окружающих.

б) Если бы миф истерической личности был бы совершенно далек от реальности, мы бы классифицировали это как форму психотического бреда. Так, миф "я - красивая" не создается личностью с безобразной внешностью. Сама тема и интерпретация мифа не доходит до разорванности идей, потому что имеются основания считать данную женщину в определенной степени красивой. Неадекватность и патология заключаются в возведении этого факта в миф, в ригидной направленности личности в одну, определенную сторону своего существа, в акцентировании и преувеличении суждений относительно этой стороны и в стереотипизации социальных ожиданий: все обязаны помнить и многократно это подтверждать. Как следствие, с одной стороны, истерическая личность ведет подчас дикую конкурентную борьбу за эту "особенность", чем вступает в перманентный межличностный конфликт, а с другой - ограничивает "Я-восприятие" и жизненные проявления одной фиксированной социальной ролью, которая подчиняет все остальные роли. В приведенном примере роль женщины доминирует над ролями матери, жены, специалиста и др. (впрочем, "кричащее" присутствие женского начала сопровождает и другие мифологические темы). Фиксированная роль препятствует внутреннему развитию, и это является одной из психологических причин её вечной инфантильности. В терминах психосинтеза имеет место злоупотребление одной "субличности" и неравновесие психических сил.

Миф преподносится окружению не нахрапом, а дозированно: в отмеченном примере один раз речь пойдет о глазах, другой - о фигуре и т.д. Все это как бы "кстати", нечаянно, ненароком и с соответствующей преамбулой. К примеру, она вовсе не говорит о своих красивых ногах, но обращает внимание присутствующих на то, что ноги актрисы на глянцевой обложке журнала "несколько толстоваты". Остальное, а именно то, что ее ноги - красивее, другие обязаны понять сами. Насаждение мифа - это технический прием методичных напоминаний о различных элементах мифа, все новые косвенные "инъекции" в сознание других.

Истерическая личность широко эксплуатирует игру под названием "они говорят" (Э.Берн): мне многие говорили: "ты - необыкновенная женщина", "говорят, что у меня кисть С. Дали", "все знают, какая я хозяйка" и пр. Однажды созданный миф постоянно воссоздается и оберегается даже тогда, когда исчезает реальная составляющая. В этом случае эксплуатируется прошлое, например, пожилой мужчина постоянно "возвращает" окружающих во то время, когда он был знатен и богат. Последнее, как и миф в целом, - не только симптомологическое желание вызвать потрясение и обратить на себя внимание, но также стремление подавить подсознательную зависть к тем, кто опережает его по теме мифа, обезличить других и узурпировать их право на самобытность. Тот факт, что самобытность - вовсе не прерогатива какой-либо личности, но принадлежит каждому, - находится вне поля осознания личности такого профиля, а симпатии и антипатии к другому находится в прямой зависимости от того, принял ли этот другой её миф или нет. Вот почему ее отношения с людьми поверхностны и не содержат побуждения к развитию.

Лицо и лицемерие

Прямолинейность субъект-объектных отношений сенсорных процессов основана на взаимоотношении "Я" и объекта как предстоящего перед субъектом "иного". Для объективного восприятия необходимо несколько убрать, сковать, погасить собственное "Я", что достигается за счет противопоставленности субъекта объекту. Истерическая личность неспособна на такое противопоставление, в чём, на наш взгляд, скрыт корень ее

радикального эгоизма. Ее "Я" свободно перетекает в воспринимаемое и объективное восприятие сливается с личностным смыслом. Поэтому иллюзорные образы заменяют реальные восприятия, а опыт "не-Я", который обязан быть воспринят как объективность, трактуется истерической личностью как чуждая ей субъективность, которую, в свою очередь, необходимо откорректировать собственной "объективностью". Если ей нужно видеть в заведомо внимательном муже невнимательного, она скажет что-нибудь типа "да, он все для меня покупает, а мне всего лишь нужен один цветок" (при этом муж ничего не знает о её таком желании). Одна истерическая дама договорилась до того, что заявила: "меня ужасно раздражает, что кроме меня он серьезно не интересуется ни одной женщиной, я решительно не могу жить с мужчиной, который индифферентен к женскому полу".

Её личностные атрибуты иногда напоминают паранойяльность. Если вопрос объективно имеет всего два решения, то какое-бы решение не принял бы другой, это окажется для истерической личности поводом для обиды. В целом, оценивание, экспектирование и атрибутирование людей такого профиля непредсказуемо и оригинально, поэтому окружающим такой профиль интересен. Но они восприимчивы к деталям без созерцательности, оригинальны в речи без содержательности, экспрессивны без соизмеримости мига с ответственностью.

Искажение объект-субъектных отношений углублено вплоть до ощущений: там, где все объективно видят цвет, звук, вкус, боль, она ощущает "иное", ее ощущения самоуправны. Не случайно, что именно истерик, согласно "Пиктограмме" привносит свой опыт переживаний в абстрактные понятия и настолько личностно их окрашивает, что от идеи не остается и следа (к примеру, пиктограмматический символ "разлука" - это ничто иное как "очки", потому что в последний раз "он передал мне очки, которые я забыла у него дома"). Не только абстрактные понятия построены на личностных ассоциативных соединениях, но также конкретные и даже ощущения в их телесно-чувственных связях. Так, связанный с определенными событиями жизни цвет может вызвать у нее судороги, идеосинкразию, экзальтацию, анестезию. Поэтому отношение истерической личности к воспринимаемому почти никогда не совпадает с опытной данностью. Почему? Потому что между её внутренним миром и внешней данностью со весь рост встает "наслаждение". Она не может отступить от того, что доставляет ему наслаждение и отвращение и взглянуть в лицо вещам, в её глаза словно не проникает свет истины. Осмысление ощущения, как известно, сразу же превращает его в восприятие. У истерика нет такого перехода - у него всякое ощущение полностью аперцепционно. Он мерит другого человека своим лицом, и это в пространстве проявленного оказывается лице-мерием. Лицемерие, таким образом, - не случайная ошибка или ситуативное качество, а модус существования.

Часто взгляду предстоит навязанная окружению "прелесная" лицевая сторона с веселым щебетанием и "детскостью", тогда как дисфоричная и злобная изнаночная сторона сокрыта. И это не потому, что она прилагает к тому сознательные и заранее спланированные усилия, а потому что не знает саму себя. Самопознание, прежде всего, предполагает самокритичность. Истерическая личность даже близко не подходит к принятию своего несовершенства. Она не находит иного способа осмыслить ошибки и погоревать над собственными недостатками, чем все активизирующиеся экстрапунитивные реакции вплоть до того, чтобы швырнуть собственное несовершенство в лицо ближнему. Она не хочет и не умеет страдать, потому

что в страдании субъект обязан стать объектом (жалую, виню "сам" "себя", недоволен "сам" "собой"). Здесь же недифференцированность "самого" и "себя" из-за недостатка самосознания не позволяет, чтобы субъект превратился в объект. Когда же объектом сознания становится сам субъект, он получает знание, со-знание о себе самом (самосознание). Здесь же, посредством механизма проекции, личность скидывает с себя содержания самосознания на других. Латентный девиз этих личностей - "пусть другой будет плохим, злым, глупым, лжецом...", а для такой нечестной установки подсознание выбирает лесть и лицемерие в качестве единственного способа избегания конфликтов. Через них истерическая личность "имитирует" присущие сознанию формы общения и "расширяет" своё отношение к другому "заплатками" добродушиности, пока не найдется повод для разрыва отношений, такой же немотивированный, как и лесть.

Мышление или эмоция

Человек сугубо интеллектуалистической позиции подчиняет жизненные решения представлению. Прежде, чем хотеть, он мысленно представляет себе предмет хотения и соответствующие последствия этого хотения, чтобы чувствовать - он должен знать предмет чувства и аргументы "за" и "против" этого чувства, чтобы действовать - знать, что и как предстоит делать. Подобная "гипертрезвость" и филистерство ведут к потере необходимой для жизни спонтанности. Такие личности требуют размещения всех жизненных проявлений "по полкам" и испытывают беспокойство от всего непредсказуемого. Столкновение с хаотическим для них равносильно травматизации.

Противоположное, однако, представляет не меньшие трудности. Не опираясь на предварительные представления, личность рассматриваемого профиля действует "на ощупь" и психологически полностью спонтанно овладевает вещами. Поскольку реальность не обучает её мышление, а воля слаба, то единственным её "учителем" оказывается эмоция. Мышление постоянно вводится в заблуждение и потопляемо эмоциями, у неё нет четкости мыслительных структур и определенности установок. Эмоция безраздельно орудует в её когнитивной структуре, делая последнюю чрезвычайно эластичной. Она не то, чтобы мыслит, а домысливает то, что подкинула в данный момент эмоция. Напомним, что эмоция - есть возвращенное к предмету наше отношение. Но сущность мышления состоит именно в том, чтобы отказаться от отношения, которое акцентирует особенность или обособленность, и познавать всеобщий смысл. Отношение же может совпадать или не совпадать с всеобщим смыслом, который несет мышление. Этим, на наш взгляд, объясняется невыносимое смешение отчасти субъективных, отчасти объективных утверждений истерической личности. Презрение к смысловой всеобщности, рационализация или мыслительные спекуляции, сопровождаемые многословием, психологически типологизируют её беседу как "игру в одни ворота", где она непременно ведущий, а собеседник - лишь ведомый. Она полностью втягивает реципиента в свои проблемы, обволакивает его, ни на минуту не ослабляя эмоциональное насилие и не позволяя передохнуть ни себе, ни другому. При этом сама она от такого эмоционального доминирования не устает, но заставляет истощиться собеседника, в чем проявляется ее известная "вампиричность". Если собеседник выйдет за пределы темы или прервет её, чтобы вести свою линию, она теряет интерес и к беседе, и к данному человеку. Терапевтически это выражается в моментально возникших сопротивлениях - от недомоганий до больших припадков, в жизни - изоляцией от всех, кто не может быть втянут в круг ее

проблем. Другой должен исчезнуть в ее проблеме, не имея права жить для себя и в себе.

Потребность в чрезвычайно тесных эмоциональных отношениях ведет её к новым связям, и в силу своей контактности она с легкостью их устанавливает или восстанавливает прежние. Примечательно, что в первые же часы знакомства она наспех выбалтывает все, что она знает интересного, тем самым заинтересовав другого, который для неё - только мишень для изживания эмоций. Истерические личности - гении апологетики: они не скупятся на похвалу, сентименты, не боятся выражать обожание, переходя вскоре на претензии, обиды, сплетни, ссоры, скандал, раздор. Очарованность, разочарованность и абсолютное отсутствие ровного отношения к ближнему поддерживает её эмоциональный и жизненный тонус. Важно знать, что валентность чувства здесь не играет никакой роли: она не теряет интерес к другому пока этот другой предоставляет ей возможность эмоционального питания обеих валентностей. При жестоком эмоциональном голоде она может внезапно установить сердечные отношения с человеком, маркированным ею как первый враг, (отсюда еще одна причина лицемерия), придумать сенсационную сплетню или вспомнить старую, заранее не замеченную обиду. Последнее, т.е. злопамятность, не является их характерной чертой, как, например, в случае эпилептоидной психопатии, но проявляется ситуативно: когда истерику надо обидеться на очередную жертву, в ход идет какой-либо заплесневелый жизненный случай. Не характерно, как нам кажется, и расторможение сексуального инстинкта, как при некоторых формах асоциальной психопатии. В противоположность бытующему мнению о гиперсексуальности истерического профиля, данная сторона привлекает ею тем, что содержит сенсационность, пикантность и инверсионность (на этой теме можно всячески спекулировать); это скорее, затяжной и, по выражению Ж.Лакана, "символический сексуальный маскарад".

Истерическая личность может быть аффектирована от любого объекта или явления. Происходит, как описывает Э. Кречмер, процесс загрузки морского судна перед долгим плаванием; "они грузятся аффективным топливом, которое им нужно для поддержания их рефлекторной машины в действии" (5). Но откуда эти люди берут "топливо"? В этом заключается ещё одна загадка подобных личностей, которую легко разгадать, если проанализировать дальнейшее плавание "груза". Он хватает им до следующей аффективного приступа или двигательной бури, после которой на определенное время их чувства представляют "штиль". Сами по себе они загружаться не могут, поэтому вытягивают аффективный груз у близких. Они начинают провоцировать другого до тех пор, пока тот не выйдет из-под контроля и сам даст эмоциональный взрыв (пусть хоть ошеломление, брань, пощечина, только бы не безразличие!), и в этот момент истерическая личность "загружается". Чтобы добиться этого, используются любые провокационные психотехнические средства. Специалист им этого не позволяет, потому что его не разжалобить "крокодиловыми слезами", не смутить криками, не обидеть обвинениями, не испугать истерической дугой и пр. На него не подействовать мимикой великомученника и псевдосовестью, а именно это часто находится у них на вооружении: "Неужели у вас нет сочувствия, жалости?" Стоящий близко к истерической личности человек должно знать, что даже малейший эмоциональный всплеск, например, элементарное возмущение по поводу её псевдообид идет ей на "топливо", от чего она набирается психических сил, а первый их истощает, потому что ничего не добывается, разве что "ломает копы".

Их язык деятелен помимо их воли, он работает в режиме психологического "энуреза", они не в силах удержать в себе ни одной тайны, выливая все наружу. Их речь - безликая цепь фраз, и интересно было бы выяснить, что от нее останется, если экспериментально изъять междомедия и паралингвистические экспрессивные характеристики? Со всей очевидностью, в остатке получим крохи сигнификативности, беспорядочно скачущие с темы на тему, в которые трудно вклиниться и внести ту мыслительную ясность, о которой сказано в "Бхагаватгите": "Вечный луч мой, внутренний свет повелевает слухом, осязанием, осязанием, вкусом, душой, создает связь между собой и чувственными вещами".

Должны понадобиться усилия, чтобы прервать и остановить истерическую личность. Она на это не согласна, потому что для неё остановка, т.е. исчерпание темы, углубление в мысль, необходимый для осознания передох, встреча с собой, интровертированный ретрофлекс, завершённый гештальт - страшен (отсюда особенности мышления - скольжение, растекаемость, трудности концентрации). Остановка не в смысле статики, а фаустовского мгновения - инсайта, вспыхивающего в точке вершинного сосредоточения глубинного познания, который подменен здесь на вертикально нарастающее "как мне хорошо!" Для прекрасного мгновения ей не хватает плодов предварительных усилий, интеллектуальной честности, "мужества быть таким какой ты есть и в той точке где ты есть" (П.Тиллих), самостоятельности для решения когнитивных диссонансов (Л. Фестингер), отточенности инструмента мысли и воли к истине. Вместо по-мысленного она выделяет из себя и посылает в мир вы-мышленное, а вместо воли — свое довольство или недовольство.

Её симпатии и антипатии многократно увеличены. Примечательно при этом, что они не переходят в любовь или ненависть, ибо последние, помимо психофизиологического отклика, требуют осознания, продолжительности, глубины и взыскательности. Экспрессия имитирована под любовь и ненависть, но сами эти чувства у них отсутствуют! Она демонстрирует "ликование до небес и смертельную печаль", но это некий вид агравации с целью предоставления "сцены", где подлинное смешано с подделкой. Здесь нет связи между экспрессией и ответственностью, которая раскрывает этическую сущность вербальной или невербальной речи. Парадокс заключается в том, что когда истерик говорит, к примеру, "мне без него не жить", это не затрагивает его "Я", потому что он не может строить отношения из действительного "Я" (К.Роджерс). Когда же это говорит депрессант, то его выражение аутентично сущности, поэтому в противоположность демонстративному суициду, суицидальная попытка депрессанта имеет шанс к осуществлению.

Во что же в таком случае переходят гипертрофированные симпатии и антипатии истерической личности? Они переходят в алчность и отвращение. Она не просто желает того, что ей симпатично, учитывая при этом чьи-либо интересы помимо своих, она алчет этого всем своим существом. В случае же фрустрации парадигму её поведения можно сравнить с ребенком, распластанным посреди улицы, бьющимся и кричащим, что ему не дали понравившуюся игрушку. А "игрушку" обязан ей дать весь мир, к которому прибит ярлык "обидчик", иначе говоря, имеет место возведенный в геометрическую прогрессию механизм проекции, как перенесения внутренней "животности" на внешнее, что выражается в неспособности ограничить алчность до степени желания. Это может протекать в форме детской просьбы о помощи, но в любом случае ей не знаком конфликт между энергией потребности и энергией сдерживания, т.н. "клинч" по выражению Ф.Перлса,

когда внутренний конфликт разделяет личность на две части: на ту, которая "хочет" и ту, которая "запрещает". Здесь запрещает не она, но ей запрещает "обидчик". В терминах анализа Э.Берна, нет трансакций между Родителем и Ребенком, потому что коммуникация между ними возникает при незримом присутствии Взрослого, которого нет. В случае же антипатии типична психофизиологическая непереносимость и идеосинкразия, но никак не ненависть, требующая концентрации, аргументации и деятельности "Я".

Следует отметить, что принципиальная неспособность ненавидеть делает таких людей в данном аспекте безопасными, при условии, если общающийся не придает их экспрессии серьезного значения и сам не питает к нему враждебных чувств.

Бутафория или творчество

Склонность истерических личностей к искусству общеизвестна. Они тонко чувствуют красоту и стихийно её творят. Корень художественного творчества сокрыт в подсознании, поэтому они с легкостью переходят с дискурсивности на уровень образа. В плане компенсации выход к творчеству играет несомненную позитивную роль, поскольку творчество позволяет мягко нивелировать патологические черты. В медицинском аспекте такая т.н. "оранжировка" (А. Адлер) лучше, чем когда используются истероидные неконструктивные типы защиты (например, конверсии), и в этом смысле творчество истерика можно причислить к позитивной компенсации.

Однако в творчестве "воинственный" эгоизм истерической личности принимает более тонкие, более рафинированные, а значит, более замаскированные формы. Поэтому в плане самопознания, творчество еще больше скрывает её от нее самой. "Великий" писатель, художник, артист закрывает осознание себя и обогащает миф. С позиций же психологического анализа, творчество истерической личности, и в частности, поэзия, дешифровывает характеристики ее эмоционально-волевой сферы, точно также, как рисунки шизофреника выдают вычурность и безжизненность его мышления.

Им удастся протаскивать свою "звенящую" эмоциональность в свои произведения, за вычетом которой часто остается только пустота. Из таких произведений на вас льется слащавая патока натуралистической чувственности. Откровенность личного чувства подавляет символизацию образа, и отдаляется от его искомого назначения - лаконично передавать глубину жизни. "Слова "ложь", "шаль", "классический" существуют вне и независимо от О.Мандельштама, объединившего их в сочетание "ложноклассическая шаль", порождающее в нас веер разноцветных чувств, ассоциаций, настроений, смыслов. То, что объединило чью-то "шаль" с нашим "веером" — уже не личностный смысл или индивидуальная истина поэта, а смысл для всех, кто присутствует при рождении "ложноклассической шали". Так через формально-индивидуальную истину предстает сущностно общее для всех духовное содержание" (6). Поэтому в подлинном художественном произведении смысл не притянут к образу, а сам образ транспарирует смысл, давая ему направление. Казалось бы, что в этой сфере истерическая личность могла бы с полным правом пользоваться санкцией на образность и вымысел. Но здесь образ не раскрывает смысл, не разочаровывает явленное, не кристаллизирует мысль, не поднимается над "человеческим, слишком человеческим" (Ф.Ницше). Перефразируя Ф. Ницше можно сказать: в творчестве истерической личности вне зависимости от половой принадлежности доминирует "женское, слишком женское".

Психофизиология истеричной особы не прочищена до настоящего переживания, ее личность в высоком (античном) смысле не трагична, поэтому ее поэзия не способна пронять читателя, метаморфозировать дикую страсть в утонченное, осознаваемое переживание или по Ф.Перлсу проживание. "Страстное искусство - противоречие в самом себе, поскольку неизбежное следствие прекрасного - как раз освобождение от страстей" - писал Ф.Шиллер в "Письмах об эстетическом воспитании", а Рильке уподоблял такую "поэзию" жалобам больных:

О старый бич поэтов,
что сетуют, тогда как в сказе суть;
что вечно судят о своих влеченьях,
а дело в лепке; что еще поднесь
воображают, будто им известно,
что грустного, что радостного в них,
и будто дело рифм греметь об этом
с прискорбьем или с торжеством. Их речь
как у больных; они тебе опишут,
что у кого болит, взамен того,
чтобы самим преобразиться в слово,
как в ярости труда каменотес
становится безмолвьем стен соборных.

За образами поэзии и прозы истерической личности просматривается погоня за удовольствием и наслаждение собой, которое детерминирует их перманентное присутствие в качестве автора. Они пишут от первого лица, тогда как "преображение в слово" достигается по мере достижения трансформации личного местоимения в третье лицо, не обременённое самостью, в "уже ушедшее в лике от любого раскрытия и сокрытия, эта "оность", которая не "меньше бытия" по отношению к миру, эта ускользящая от онтологии огромность, безмерность", которая обосновывает возвышенность явленности (7). В противоположность такому здоровому видению мира посредством собственной преобразенности, их творчество - болезненное, это - романтизм в худших проявлениях жанра, даже если это не произведение юнца, а человека, побившего рекорды биологической зрелости. Ласки, слезы, крики, обиды, охи, ахи, вздохи в обрамлении поэзии и прозы — все тот же обманчивый маневр, направленный на других (демонстративность) и на себя (самообман).

По поводу подобного романтизма П. Валери однажды выразился как прекрасный диагност: "кто добивается лишь непосредственного эффекта, с неизбежностью впадает в фальшь, легковесность, аффектацию (что значит фальшь преувеличенной выразительности)" (8). Собственно, творчество истерической личности, равно как и поведение, сплошь механизм формирования реакции, при котором эмоциональный выхлест не оправдан объективными характеристиками ситуации, а непропорциональная феноменальному миру экспрессия выдает лицедея, недовоспитавшегося от пошлости до вкуса и культуры. Невзирая на некоторые удачно схваченные символы и аллегории, в художественном отношении эти произведения антихудожественны. По сути, это - рифмованное или нерифмованное неустойчивое, стихийное, эфемерное психологическое состояние, но не поэзия или проза. Но состояние не может вдохновить зрелую личность, ибо "ощущать еще не значит сделать осязательным, и того меньше - осязательным прекрасно" (9). Наслаждение подобных авторов состоит в том, чтобы "искусственно активизировать железы и порождать все те же произвольные сопутствующие движения", а в лучшем случае - выдавить слезы или возбудить

нежные чувства. "Древняя "чистая красота", пишет П.Валери, - считала делом чести избегать путей, ведущих к железам. Удовольствие изощрять их она оставляла свиньям. Вызывать такие эмоции, которым нет соответствия ни в верхних, ни в нижних железах, - эмоции сухие без выделений, - в этом была цель. Если же она исторгала слезы, то лишь с помощью собственных средств, - средств, которых не существует в принудительном опыте жизни... Иметь механизмы радости, грусти и органы неспособности выдерживать мысль - подумать только!" (10).

Необходимо отметить, что противоположный полюс, а именно, преобладание интеллектуальности превращает поэзию в абстракцию. Но неумение держаться мысли (воз-держиваться) досадно "загрязняет" ее. Поэтому в обоих случаях не может быть намёка на катарсический эффект, при котором разумный дискурс в форме точного образа воспитывает душу, побуждает к гармонизации воли и широте чувства.

"Человек разума должен в итоге сознательно сводить себя к бесконечному отказу быть чем бы то ни было. Сама личность, которую мы неосмысленно почитаем интимнейшей и глубочайшей своей принадлежностью, высшим своим благом, есть по отношению к "Я" лишь некая изменчивая и случайная вещь". Эти строки могли бы написать Юнг, Роджерс, Ассаджиоли или Гроф, но написал их Валери, который вслед за Э.Гуссерлем называет эту сознательную субстанцию "чистым Я", а поэзию, к которой не примешаны "пятна" эмпирического "Я" - "чистой поэзией". Чистое "Я" распознает откровения Бога посредством искусства, отсюда вывод: "либо поэзия не имеет никакой ценности, либо обладает бесконечной значимостью, уподобляясь самому Богу" (11).

Истерическая личность замкнута на случайном, эмпирическом "Я". Пафосно тендируя к "потусторонности", она парадоксально "захлебывается" в материальности. Поэтому пытаюсь мистифицировать жизнь до неузнаваемости, взамен поэтической миссии "подслушать живую песнь Богов" (В.Соловьев), она производит жесты вертлявой чувственности и жеманства, надиктованные её "нижним" организмом. "Блуждающая по организму матка" - так оформил свой диагноз первый диагност истерии великий Гиппократ.

Парадоксально, что такого рода произведения "обходятся" как без подлинной фантазии - как мощного стратегического оружия преодоления жизненной травмы, так и без мышления - как освобождающего от оков рассудка надситуативного акта. От рассудка они эмансипированы и без фантазии, а фантазию применяют и в жизни. В художественном же применяют сплошное наитие. Ну ладно, подавив оскорбленное эстетическое чувство, можно игнорировать и такой пустоцвет, но как быть с творчеством научным? Ведь истерическая личность со своим антиобъективированным мышлением присутствует в науке, подстраивая под свою выгоду даже научный факт. Она может окутать туманом вкрадчивого физиологического начала любую ясную мысль, идею, знание. Чего уж ей недостает так это ... математики в её классическом понимании, причем так, чтобы она жила в ней, ибо необходимо "оглушить" ее объективностью и антидвурушничеством, чтобы "заглушить" гул идущей из глубин организма произвольности, необходимо темперировать её эмоциональную случайность мыслительной необходимостью, вдвинуть ее несобранность и размытость в чеканные формы геометрии, держать её на "прохладе" кристально-чистых алгебраических абстракций вплоть до охлаждения радикала, вплоть до преклонения перед правдой.

"Пьянная" вера

Соотнесенность с первым лицом, считающим с мира не мир, а себя, детерминируют отсебятину истерической личности не только в искусстве и науке, но и в религиозном чувстве. Независимость от себя, лишенное эгоизма желание, тонкое чувство истины, напряжение внутренней ответственности, отношение к судящему и научающему Учителю, платоновская справедливость, твердая сопротивляемость искусствам, лежащие в основании причастности к божественному, не совместимы с психологией истерической личности. Страх истины, замена "хождения тесными вратами" широкими дорогами более или менее мелких удовольствий, изживание себя в некой восточной душевности, в которую ни на йоту не вмещается громадность творения, отвлекают их от познания божественного, делая их веру отвлеченной. Невзирая на принципиальную антидогматичность истерической личности, рядоположность того, что есть в их жизни и того, что есть "на небесах", формализирует их веру вплоть до фарисейского ханжества ("это - неправильно, то - нескромно" и пр.). Она постоянно упрощает непреходящие истины божественного откровения, делая их тривиальными и преходящими, поэтому рядом с такой личностью всё также делается преходящим.

Однако, отвлеченная вера - только отвлекающий маневр, и необходимо выяснить чем же вера привлекает истерическую личность?

Протестантский пастырь и психиатр Г. Уотерхауз среди поводов обращения к Богу особо отмечает истерические припадки, уверенность в правильности своих суждений вопреки мнению окружающих, гипногические видения или голоса, непреодолимую власть биологических влечений и самоуничижение как проявление тайной гордости и эгоцентризма (12). Изначальная же причина их обращаемости, заключается, как нам кажется, в бессознательном стремлении избавиться от своей внутренней анималистичности, подменяя её особой формой религиозной взбудораженности и возбуждения.

Известно, что преморбид истерического профиля - дети, строящие "воздушные замки". Взрослея, личность находит в вере удобный способ безопасного предавания себя иллюзии, экзальтации, экстазу, который по существу не отличим от других видов экстаза. Секта же - самое подходящее место для изживания "религиозной" экзальтированности, ибо в секте можно не верить, а грезить. Исследование сектанток различных сект г. Еревана, проведенное в рамках тематики кафедры психологии ЕГУ "Влияние сектантства на психическое здоровье", выполненное И. Казарян с использованием ряда проективных методик показало, что у испытуемых, имеющих истерический радикал, составляющих 72% исследуемых женщин, помимо показателей нарушения мыслительных операций обобщения и абстрагирования, повышенной тревожности, отсутствия креативности, применения защитного механизма вытеснения, наблюдаются низкий уровень эмоциональной реактивности и эмоциональная депривация. Кажущаяся противоречивость полученных результатов немедленно проясняется при учете того факта, что реактивность и эмоциональность, подавленная в различных жизненных сферах под влиянием насаждаемого в сектах религиозного автоматизма, с лишком восполняется в ходе сектантских собраний, где они основательно входят в экстатические состояния, т.е. эмоциональная депривация в одной плоскости одновременно набирает энергетику, чтобы разряжаться в другой. Добавим также, что среди мотивов "обращения к Богу" самым частым обнаружился их извечный напев: "меня не поняли" (в данном случае не поняли "в миру").

Своим затемненным сознанием истерическая личность пытается "пролесть" в сверхчувственный мир, не будучи способной справиться с чувственным. Земное сознание её не устраивает, поэтому в своей вере она находит особое

родство всему тому, что не определяется: всему "мажущемуся", смутному, мистическому, трогательному, расплывчатому, импрессивному, галлюцинаторному, опьяняющему. Она распространяет вокруг вирус бездумной очарованности Богом, имея целью даже в этом продемонстрировать "броскость" своего экзистенциала; это уже не просто реактивная способность, а повод к характерному "забалтыванию" значительного, возвышенного и предельно серьёзного посредством ненужного, низменного и легковесного. Смутные, интригующие, расплывающиеся, таинственно-мистические ощущения или так называемая "нисшая мистика" (В.Шмаков) ведут к усеченному восприятию божественного даже в случае наличия психического здоровья. Здесь же сам профиль создает, употребляя староцерковное выражение, "прельщённость" в противоположность пребыванию в божественной истине. Отсюда наблюдаемая нами подсказка подсознания: сновидения сектанток с истерическим профилем в основном ограничиваются абсурдной фантазией на тему ангелов или демонов, а бодрственные ощущения представляют крошево "прелестных" состояний.

Подлинно религиозное чувство возможно лишь при совмещении её с познанием, а изменение своей организации посредством религии представляется основательным только при наличии двух важнейших взаимообратимых условий: при способности накапливать духовный опыт и здоровом функционировании познающего "Я". В традиции гностической мудрости подобных людей называли "пневматиками", в противоположность "психикам", ограниченным своим плоскостным "Я". Можно себе представить, каково "Я" истерической личности, если совокупность двух "Я" фактически редуцирована к сиюминутности мироощущения.

Пытка общением

Межличностное общение для истерической личности - поле применения сладострастного стремления "приватизировать" (сделать приватным делом) любую конвенциональную деталь, например, не так посмотрели, не так поздоровались, не так пригласили, не так поблагодарили. Один бизнесмен с отмеченным профилем потерял целое состояние на том, что пайщик с ним поздоровался не так, как ему хотелось бы, оставив весь бизнес этому счастливому (и здоровому!) пайщику, а собственных детей - без средств к существованию. Действительно, излюбленный "эмоциональный кутеж" лишает возможности всяческого иного кутежа, а иногда и угрожает жизни. Так, ряд конверсий привел к тому, что близкие истерической личности не доставили ее в больницу при сильнейшей интоксикации, потому что не поверили в её болезнь.

Трагедия таких людей - в двойном отсутствии: с одной стороны, личного независимого "Я", разумного эгоизма, оберегающего одну личность от патологического слияния с другой (отсюда поиск опеки и психологическая привязанность к другому, в том числе и к психотерапевту), а с другой, - в отсутствии сверхличной способности к единению с другим или группой. Поэтому поступок по факту маркированный как альтруистический, до факта рассчитан на психологическую выгоду, в чем убеждаемся после факта из её интерпретации ("я сделала, пожертвовала и пр."). Подсчет собственных поступков, направленных на благо другому, производится дотошно и с многократным преувеличением собственных заслуг. Это доходит подчас до абсурда. Так личность, по долгу службы обязанная на ряд действий, после жалуется: "...и за это все меня поблагодарили всего три раза". При этом действия другого, направленные на службу её интересам, принимаются как само собой разумеющееся (ведь она достойна!). В группе же она, не дотягивая

до нонконформизма, всегда порывается к противопоставленности пространству групповых значений. В зрелой группе "Я" истерической личности теряется в сильном и гибком "Мы". Если же группа не имеет ценностного и целевого единства и раздираема межличностными распрями, то она разворачивает "деятельность" и активно тянет группу назад.

Окружение особ истерического радикала должно быть готово постоянно наталкиваться на угнетающие вымыслы, перманентные намёки, немотивированные обиды, фарисейские уловки, перевертыш мнения, словом, - к своеобразной пытке рассудка "сейсмофобией", к "расшатанию" почвы кантовских категориальных форм ради самого расшатания. Так, восторженные диферамбы музыкальному произведению могут смениться уничтожающей оценкой того же произведения в зависимости от того, в каких отношениях с композитором находится эта личность на данный момент времени; взрослая личность один раз может сделать снисходительную скидку на юность ("ничего, взрослые должны помочь молодым"), во второй раз, - в равнозначной ситуации - за эту же юность "казнить" ("как посмел!"); она может преподнести комплимент ("эта стрижка вам очень к лицу") и тут же его опровергнуть, ("но прежняя прическа была лучше"). Употребить межличностную коммуникацию для того, чтобы обеспечить другому психологический дискомфорт со всей "экипировкой" неприятных ощущений - неуверенность, чувство вины, ощущение заговора, замешательство, подавленное настроение, ощущение дышащей в спину зависти, ожидание экспансии, язвительности и пр. - специфическая задача истерической личности.

Необходимо отметить, что никакой миф не представляет большей опасности для человеческого общения, чем "добродетельная", ибо "не удивишься ловкости фальшивомонетчиков, с каковою здесь подделывается лигатура добродетели, даже позвякивание, золотое позвякивание добродетели. Что и говорить, они нынче целиком взяли себе в аренду добродетель, эти слабые и неизлечимо больные. "Одни лишь мы добрые, справедливые", - так говорят они, которые горазды корчить из себя "прекрасных душ" и сбывать на рынке под видом "чистоты сердца" свою испорченную чувственность, завернутую в стихи и прочие пеленки. Воля их - изображать превосходство, инстинкт - окольными путями ведущий к тирании над здоровыми, где только не встретишь её, эту волю к власти, характерную как раз для наиболее слабых! В особенности у больной женщины: никто не превзойдет ее в raffinements по части господства, гнета, тирании. Больная женщина не щадит для своих целей ничего живого и ничего мертвого, заново раскапывая от века схороненную ветошь..." (13). Эта зарисовка приведена нами из Ницше - чем не отрывок из психологического статуса истории болезни больного истерическим неврозом, при условии ориентации на смысл, а не стиль? Правда, с учетом возможных тех же "прекрасных душ" из числа читающих, мы опустили наиболее смущающие детали ницшевского текста. Но самое непостижимое в наблюдениях Ницше заключено в двух можно сказать научно-психологических находках. Первая вскрывает причину доставления другому психологической досады. Оказывается, что весь этот "парад высокопарных слов и поз", а также "мелкие, подспудные, бесчестные, злокачественные" навыки общения со здоровыми, возникают на почве самопрезрения: "Быть мне другим - гиблое дело, - говорят они, - я таков, какой я есть, как бы удалось мне отделаться от самого себя?"

Вторая догадка касается практической рекомендации по защите здоровых от больных: ни при каких обстоятельствах не совершать "двух великих ошибок": не испытывать отвращения и не позволять себе жалости к ним. Если

проникнуть в природу истерической личности не на уровне симптомов, а насквозь всмотреться в сущность, то эти две рекомендации приобретают сакральный смысл оберега, ибо отвращение и жалость - как раз то, на чем играет, чего ждет и чем пытается окружение истерическая личность. К этому нам остается добавить предваряющее отмеченные два третья предостережение, а именно: не обманываться в распознании ее воли, а точнее, волю.

"Две воли"

Невзирая на детальную калькуляцию симптоматики истерии со стороны психиатров, психология истерической личности трудно поддается концептуализации. Основная причина этой трудности заключается в антиномичности её характеристик, ибо она одновременно:

- экстраверт (живет не в себе, а в окружении) и интраверт (живет для себя, субъективна);
- имеет беспорядочное мышление и "железную" логику в целях психологической выгоды;
- имеет расплывчатое самоощущение и живет в твердой скорлупе эгоизма
- характерны как проявления эмоциональной душевности и хрупкости, так и бездушности и жесткости;
- наблюдается низкий уровень достижений и немотивированность действий и высокий уровень достижений и мотивированность действий;
- сильное, активное "Я" и нарушенное, ослабленное "Я".

Однако самое радикальное противоречие психологии истерической личности, заключено в её волевых особенностях. С одной стороны, это человек беспомощный, робкий, растерянный, жалобный, не способный найти то, что ему не хватает, проявляющий недостаток доверия к себе, несущий в себе хроническое "не могу" и даже боязнь успеха, а с другой, - сильный, волевой, неутомимый, деятельный, бесстыдный и способный на дикий мятеж. С одной стороны, бесформенная психическая конфигурация, "разгерметичность", отсутствие внутреннего стержня, психологической направленности и жизненных ориентиров, с другой - четко знающий чего он хочет меркантильный "некто".

Обратимся к Э.Кречмеру, с предельной ясностью клинициста и глубинным прозрением феноменолога прояснившего ситуацию, поставив перед нами, по его выражению, "самый лучший, правильный, старый признанный образ одержимого с находящимся в нем бесом". "Две воли, - продолжает он, - находящиеся в одном теле и требующие обе права им распорядиться: одна естественная, но слабая воля, принадлежащая действительной личности одержимого, которая просит у терапевта о помощи против другой воли, "беса", из тайников души распорядяющегося его телом. Это - "комплекс", который из бессознательного властвует над истериком, - говорим мы на современном языке. Однако, если под "бессознательным" мы не можем себе представить ничего другого, как туманное поле, а под "комплексом" олицетворенного гнома, творящего бесчинства, мы не очень отошли от мифологии" (14). Отметим, что что все наши предыдущие рассмотрения относились именно к этой "бесовской" воле, а последующие — представят попытку её "дешифровки". Под натиском этой воли сознательная воля глубоко "спит" в недрах психики истерической личности, и её невероятно трудно разглядеть. Кроме того, обращение к здоровой воле и опора на неё представляется возможным лишь при условии, когда знаешь нездоровую "в

лицо", не смешиваешь с мимикрией здоровой и понимаешь ее интенциональную задачу.

Суженное сознание и расширенно-активное подсознание является не только атрибутом "продуктивной" симптоматики истерии, наподобии симптома Ганзера. Сужение и все формы одержимости собой действуют также в обычном поведении, только в гораздо меньшей степени. Тем не менее мы не имеем дело с притупленным мышлением, а скорее с бодрствующей "сомнамбулой", телом, почти что оставленным сознанием (отсюда часто встречающийся в клинической картине тревожно фобический синдром), состоянием, при котором одна воля ангажировала другую и направляет её помимо последней. Бессознательная воля предстает здесь как гипнотизер, заменяющий гипнотизируемому его "Я", иначе говоря, в бодрствовании имеет место быть то же гипнотическое состояние, но непроизвольно: одна воля, пораженная и уязвимая, является игрушкой в руках другой, и послушно следует её импульсам и трюкам (конверсии, бегство в болезнь, в "сумерки" и пр). Отсюда - беспрецедентная гипнабельность истерической личности.

Две воли и два "Я"- некий неразравный текст и контекст, при котором текст уменьшен до песчинки, а контекст гипертрофирован до предела. Чтобы ощущать сознательное "Я" и обрести уверенность в себе, истерическая личность должна обращаться к другим, установить отношение с внешним миром, поскольку это "Я" находится в ипостаси "Ребенок" и не имеет самостоятельности. Но именно поэтому другое "Я" с легкостью осуществляет "отцовство", требуя, однако, "платы" субъективностью и сумасбродством.

Таким образом, две воли - не гипотеза, а эйдос истерической личности, и как любой эйдос, он не подлежит экспериментальной проверке, хотя наблюдаем с еще большей точностью, чем это может предоставить нам эксперимент со всеми коэффициентами достоверности. Одна воля, при вседозволенном попустительстве другой, вечно требует утоления заведомо не подлежащих утолению влечений, но с каждым циклом мнимого удовлетворения все сильнее связывает истерическую личность тем, что Будда назвал "цепью зависимого порождения", делая ее при этом все более несчастной. "Нисшая воля, - пишет В.Шмаков, - стремится совершить возможно большее число единичных восприятий, равно как и вызвать непрерывно все новые и новые виды томлений и жажды вечно сменяющихся, но никогда не могущих дать полного удовлетворения антэротических слияний (антэрос — обобщенное название силы влечения нисшего порядка — Г.Ш.). Высшая воля — высшее действие, самоутверждение духа, индивидуального "Я", способность подняться над изменчивым круговоротом форм и явлений и сопричислится к бессмертию. Творческое действие высшей воли центрально и органично, а творческое действие нисшей воли — периферично и механично" (15).

Чрезвычайно важно понять, что, следующий высшей воле, делает это по собственной воле, свободно и без привязанности, а служащий "нисшей" воле насильственно идентифицирован с ней и сопротивляется деидентификации. Но разве бессознательная воля не вырисовывается исследователями в конкретный образ носителя этой воли? Это - тонкий, умелый, изобретательный, харизматический, интеллектуальный, мотивированный, хитрый, изворотливый, целеустремленный, прагматичный, автоправный, сильный, очень сильный "бес" по церковной традиции, "комплекс" по К. Юнгу, "мистическое "X" по Э.Кречмеру, "уровень метапатологии" по А. Маслоу, "self" по Р. Ассаджиоли, "персонаж трансперсонального переживания" по С. Грофу, "низший бессознательный дух" по Э.Гартману, "контр-воля" по О. Ранку, "двойник" по Р.Штайнеру. Но речь идет не о названиях, а о том, чтобы воспринимать и исследовать эту сущность как дух,

который для себя самого обладает полнотой сознания, имеет в своем поведении *causa sui* (причину в самом себе) и интенциональную конкретику в психике истерической личности. Мы можем описать его, придавая ему атрибутивные характеристики, но он представляет, по выражению Дж. Батлера, "несимволизируемую реальность". "Существует такая часть индивида, - пишет французский психоаналитик М. Долар, - что не может войти в состав субъекта, элемент доидеологической и досубъективной "*materia prima*", который никогда не возникает как практика, как ритуал или социальное отношение. И эта "*materia prima*" радикально нематериальна" (16).

В итоге, внешняя сторона (явление) истерической личности сбивчива и противоречива, внутренняя (сущность) — системна и логична. Вот почему сквозь чрезвычайно пеструю клиническую картину опытный глаз отличает характерный "дистиллят" этой личности, чем объясняется тот факт, что при всей "особенности", которую внушают нам подобные личности, они все похожи друг на друга, словно сделаны "под копирку". Опасность заключается, однако, в туманной мистификации этого конкретного духа с его предельно определенными задачами и способами действия, а также в понимании исследованного образа только как метафоры, на что психологи идут из-за боязни растерять "научность". "Психологу, - пишет Г. Олпорт, - сильно надоели произвольные метафоры, но сами они говорят то же самое" (17). Вместо того, чтобы за внешним доглядеть внутреннее, они игнорируют холистические "концепции относительно природы черт" и предпочитают "мистику" половинчатых фактов. Но разве психологи избавляются от мистического, когда в поисках научности избегают метафоричности и духовно-научных истин? "Практические технологии, говорящие как надо действовать в той или иной конкретной ситуации, - пишет один из проницательных исследователей психологии сознания В.М. Алахвердов, - не отвечают на вопрос почему так надо действовать. В этом отношении любая практика напоминает магию, а потому глубоко мистична" (18).

Не только психологи, но и психиатры отмечают, что такие понятия как "архетип", "комплекс" и пр. "уже ввели нестабильность в понятие "*mind*" и научные категории психиатрии, которые основаны лишь на материалистических исследованиях мозга" (19). Они же признают, что нет специфического, несиндромального психофармакологического подхода к лечению истерии. До тех пор, пока психологам не будет хватать духу подходить к бессознательному не как к аморфному резервуару темных содержаний психики, а как к конкретному духовному существу, они не смогут выманить "змею из расщелины", которая избрала истерический профиль для своих целей.

Разгадка профиля — разоблачение этого существа, потому что с каждым разоблачением какой-либо его частной стороны, личность медленно, трудно и со шквалом сопротивлений, зреет. Поэтому психотерапевтически это необходимо делать постепенно, чтобы не вызвать двигательную бурю, большой припадок, дугу, мнимую смерть и пр. В этом, как нам кажется, причина долговременности психоанализа. При этом от специалиста требуется не просто осторожность, а оптимум осторожности, чтобы, с одной стороны, не обласкать внутреннего "дракона", а с другой - не отпугнуть его и не отвратить пациента.

Неспециалист же должен знать, что даже самое ожесточенное сопротивление в конечном счете есть попытка самопроизвольного излечения путем выброса мощных потоков эмоций. Если личность не растрчивает эти неприятные жизненные уроки в самоговорах ("мне это надо было?", "я - дура" и пр.) и не переносит вину на других ("меня довели" и пр.), то даже этот

выброс становится поводом к некоторому рикошетному осознанию self-а и частичному признанию основных фрагментов личности, излюбленных мнений, ходовых фраз внутренней и внешней речи, неконтролируемых действий и др., как присвоенных, так и "чужих". Последнее даст ход развитию ответственного "Взрослого" и становлению т.н. "протеуса" - так называли древние греки возмужавшую и сформированную душевную конфигурацию.

"Познающий себя есть палач свой" - объявил Ницше, но не желающий и не могущий быть своим палачом предпочитает быть нашим палачом! Кто же обратно заносит меч над его головой, всего лишь совершенствует его ремесло палача. Мы не вправе втянуться в обратный ответ по формуле "S-R", но обязаны взять на себя труд прямо, конкретно, ежемгновенно и без усталости демистифицировать сущность истерика, тем самым депатологизируя её личность.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Gaupp, Uber den Bergiff Histerie, цит. по: Э. Кречмер, Об истерии, С-Пб, 2001, стр.9
2. Э. Левинас, Избранное: тотальность и бесконечность, М-С-Пб, 2000, стр.188
3. С. Rogers, Toward a Science of the Person, In: Behaviorism and Fenomenology, T.W.Wann (ed.), ChicagoPress, London, 1964, p. 116
4. Э. Кречмер, Об истерии, С-Пб, 2001, стр. 8
5. там же, стр. 90
6. Шавердян Г.М. Поэтическая антропология: попытка укрепления роста, журнал "Человек", 2, 1996, стр 34
7. Э. Левинас, там же, стр. 319
8. П. Валери, Об искусстве, М., 1976, стр. 328
9. там же, стр. 387
10. там же, стр. 176
11. там же, стр. 544, 386
12. Г. Уотерхаус, Психология, религия и лечение, журнал "Синапс", 1, 1991, стр. 55
13. Ф. Ницше, К генеалогии морали, Москва, 1990, т. 2, стр. 493-495

14. Э. Кречмер, там же, стр. 102
15. В. Шмаков, Основы пневматологии. Теоретическая механика становления духа, М., 1923, стр. 372-373
16. M. Dolar, Beyond Interpellation, цит. по: Дж. Батлер, Психика власти: теории субъекции, Харьков, С-Пб, 2002, стр. 103
17. Г. Олпорт, Личность: проблема науки или искусства? В: Психология личности: тексты, М., 1982, стр. 208-215
18. В.М. Аллахвердов, Сознание как парадокс, С-Петербург, 2000, стр. 117
19. Current Medical Practice, 1.2., www.skepierce.ru